

УДК 316.72

***ПРАКТИКА ОЦЕНКИ И МЕТОДИКИ ФОРМИРОВАНИЯ
ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ ВУЗОВ***

Старцева Н.Н.

канд. социол. наук, доцент,

Уральский государственный университет путей сообщения,

Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье осуществляется обзор современных практик оценки и методик формирования инклюзивной культуры. Определяются наиболее часто используемые методики оценки инклюзивной компетентности и готовности к инклюзии двух основных субъектов, взаимодействующих в образовательном пространстве вуза, – преподавателей и студентов. На основании проведенного анализа автор приходит к выводу: несмотря на то, что курс на инклюзию взят в России достаточно давно, но о сформированной культуре, реализующейся в повседневных социальных практиках большинства граждан, речь пока не идет. Попытки активизировать данный процесс формирования сегодня предпринимаются на уровне вузов, что находит отражение не только в изменении образовательной среды, разработке адаптированных образовательных программ и использовании специальных методов обучения, но в конструировании у студентов системы представлений и культивировании моделей поведения, соответствующих принципам инклюзивной культуры.

Ключевые слова: готовность к инклюзии, инклюзия, инклюзивная компетентность, инклюзивная культура, эксклюзия.

***ASSESSMENT PRACTICE AND FORMATION METHODS
INCLUSIVE CULTURE OF UNIVERSITY TEACHERS AND STUDENTS***

Startseva N.N.

*PhD in Social Science, Associate Professor,
Ural State University of Railway Transport,
Yekaterinburg, Russia*

Abstract. The article reviews modern assessment practices and methods for creating an inclusive culture, identifies the most commonly used methods for assessing inclusive competence and readiness for inclusion of the two main subjects interacting in the educational space of a university - teachers and students. Based on the analysis, the author comes to the conclusion: despite the fact that the course towards inclusion has been taken in Russia for quite a long time, we are not yet talking about a formed culture realized in the everyday social practices of the majority of citizens. Attempts to intensify this formation process are being made today at the university level, which is reflected not only in changing the educational environment, developing adapted educational programs and using special teaching methods, but in constructing a system of ideas among students and cultivating behavior patterns that correspond to the principles of an inclusive culture.

Keywords: readiness for inclusion, inclusion, inclusive competence, inclusive culture, exclusion.

Разговор о практиках оценки и методиках формирования инклюзивной культуру в вузах необходимо начать с анализа актуальных данных, свидетельствующих о достаточно широких границах исследуемой общности – лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья и/или имеющие статус инвалида, обучающихся в высших учебных заведениях России.

Стоит сказать, что по данным Росстат в 2022/2023 учебном году на программах высшего профессионального образования обучалось 34273 студентов, имеющих статус инвалида, при этом в сравнении с прошлыми

периодами эта цифра значительно возросла. Так, с 2008/2009 (24994 студента) по 2022/2023 уч. гг. средний абсолютный прирост студентов, обучающихся на программах высшего образования, составил 663 студента ежегодно. Необходимо отметить, что несмотря на значительный рост приема студентов, относящихся к данной категории, все также невелико число тех, кто «добегает до конца» и получает диплом о высшем образовании. Если в 2008/2009 году из студентов с ОВЗ вуз окончили лишь 2463 студента (или 9,85% от общего числа обучающихся студентов с аналогичным статусом, или 42,6% к числу первокурсников, имеющих ограничения по возможностям здоровья), то в 2022/2023 гг. – это уже 4627 студента (или 13,5% от общего числа обучающихся студентов с ОВЗ в высшем учебном заведении, или 44,0% к числу первокурсников, имеющих данный статус) [5].

Как показывают данные статистических обследований далеко не все студенты, имеющие ограничения по здоровью, успешно оканчивают вуз. И дело не только во влиянии объективных факторов, определяющих реализацию негативного сценария пребывания такого студента в вузе (неготовность или лишь формальная готовность образовательной среды учреждения к обучению студентов-инвалидов, неадаптированность образовательных программ к работе с лицами с ОВЗ, отсутствие у профессорско-преподавательского состава сформированных компетенций, что позволяли бы работать с разными категориями студентов и т.п.), но и субъективных факторов (неготовность самого студента, имеющего особые образовательные потребности или ограничения по здоровью, затрудняющие качественное прохождение всех этапов образовательного процесса, но также не готовность социального окружения – преподавателей, студентов к взаимодействию с особыми категориями граждан на принципах равенства, принятия и социальной солидарности (инклюзии)). Нужно сказать, что если на первую группу факторов воздействовать достаточно просто и эти проблемы можно устранить за достаточно короткий период, то что касается субъективных факторов, которые касаются к интеграции ценностей

инклюзии в систему человеческих отношений, то здесь необходимо время. Несмотря на это сегодня уже существуют некоторые успешные практики формирования инклюзивной культуры студентов и преподавателей на уровне отдельных российских вузов.

Прежде чем мы перейдем к анализу действующих практик формирования инклюзивной культуры, считаем необходимым несколько разобраться в сути вопроса. Что есть инклюзивная культура и каковы ее основные структурные элементы? Какие перспективы несет в себе инклюзивный подход и инклюзивная культура для образовательной среды и процесса обучения в вузе? На эти вопросы мы попытаемся дать ответ.

Итак, понятие инклюзивной культуры сегодня крайне широко обсуждается как социальными философами, педагогами [2] и, безусловно, социологами. Именно поэтому единого универсального подхода к определению сути данного феномена нет.

Так, выступая базисом или отправной точкой для других подходов, социально философский подход трактует инклюзивную культуру как систему ценностей, базирующуюся на толерантном, гуманном, терпимом, безопасном отношении людей друг к другу, разделении идеи сотрудничества и выстраивание на этих ценностях и идеях реальных социальных практик взаимодействия.

Достаточно серьезную проработку проблема инклюзивной культуры получила в работах педагогов-исследователей. Так, одна из первых попыток определения инклюзивной культуры была предпринята Т. Бутом и М. Эйнскоу. Их подход стал уже «классическим» и нередко определяется как базовый подход к определению структуры и содержания исследуемого явления. Понимая под инклюзивной культурой «принятие инклюзивных ценностей через позитивное отношение к разнообразию, преодоление стереотипов и барьеров» [1, с. 15] авторы скорее формулируют деятельностный и управленческий подход, определяя активную позицию акторов, включенных в процесс взаимодействия. Рассматривая инклюзивную культуру и ее проявления в образовательном

пространстве, исследователи Т. Бут и М. Эйнскоу приходят к выводу о трех структурных компонентах терминологического поля «инклюзия». Так, два понятия, а именно «инклюзивные практики» и «инклюзивная политика», сопряжены с понятием «инклюзивная культура». Действительно теория «треугольника» дает образ процесса формирования и действия инклюзивной культуры: социальные практики, основанные на принципах инклюзии, воплощают в жизнь правила и нормы, институционализированные на уровне инклюзивной политики (что нашло отражение в законодательных актах и корпоративных кодексах и стандартах), а все это венчает ценностная система или инклюзивная культура. Чуть позже данный подход получит всевозможные прочтения в практике российских исследователей.

Например, педагоги Е.Л. Тихомирова и Е.В. Шадрова рассматривают инклюзивную культуру как компонент корпоративной культуры образовательной организации, трактуя её как «особую систему отношений всех субъектов образовательного процесса (администрации, работников, обучающихся, их родителей, социальных партнеров), функционирующей на основе принимаемых всеми ценностей и принципов инклюзии, позволяющих эффективно взаимодействовать в условиях разнообразия для выполнения миссии вуза» [7, с. 11]. Данные авторы актуализируют не только общностной, но и структурный и управленческий подходы к определению данного феномена. Нужно отметить, что такая трактовка скрывает в себе мощный исследовательский потенциал, поскольку позволяет наметить несколько аспектов для аудита соответствия ценностей и норм корпоративной культуры организации ценностям и нормам инклюзивного образования (соответствуют – не соответствуют), а также определить характер и тип отношений основных акторов образовательного пространства в процессе реализации этой системы (включены – не включены; какие роли выполняют и пр.).

Интересен и подход О.А. Денисовой, Т.В. Гудиной и О.Л. Лехановой, мыслящих инклюзивную культуру в разрезе общностного, деятельностного и

компетентного подходов, определяя её как «готовность сотрудников к реализации сопровождения лиц с ОВЗ и инвалидностью, заключающуюся в понимании и принятии места и роли инклюзии в современном обществе, в наличии знаний, умений и навыков в этой области, в установках на трансляцию позитивных тенденций в отношении людей с ОВЗ и инвалидностью, в толерантном и взвешенном отношении к людям с ОВЗ и инвалидностью и их проблемам» [4, с. 85]. Особенно полезен данный подход для социологов, поскольку, трактуя сущность данного феномена через систему показателей, авторы создают прекрасный фундамент для социологического анализа готовности основного актора образовательного поля (преподавателей) к реализации ценностей, принципов и норм инклюзивной культуры, что несомненно нужно использовать в практике эмпирических исследований, и в практике оценки сформированности инклюзивной культуры на уровне отдельной образовательной организации.

Также следует сказать, что под прицел исследовательских изысканий данного коллектива авторов (О.А. Денисова, О.Л. Леханова, Т.В. Гудина) попали и структурные компонента инклюзивной культуры педагога, а именно личностная готовность к инклюзии, выраженная в развитии ценностно-мотивационных и аффективных компонентов личности, и также инклюзивная компетентность педагога, выраженная в когнитивном и операционально-деятельностном компонентах его личности [3; 4, с. 85]. Их оценка также крайне полезна в процессе аудита готовности образовательного учреждения к реализации принципов инклюзии и инклюзивной культуры. Попытку провести анализ данных показателей авторы предприняли, использовав опрос педагогов одного из российских вузов по двум тестам: «Личностная готовность к инклюзии» и «Оценка инклюзивной компетентности», содержащимся на Информационно-аналитическом портале «Перспектива-Про» и пришли к некоторым выводам, доказав реалистичность данного подхода и методики оценки.

Особый интерес вызывает и подход Н.В. Старовойт, что рассматривает два компонента инклюзивной культуры, а именно её «надводную» и «подводную» часть [6, с. 32] (здесь звучит некая образ-аналогия с теорией структуры личности З. Фрейда, известная теория «айсберга»), где первая – это внешняя среда, формирующая базис для реализации принципов и ценностей инклюзивной культуры, образовательным учреждением (наличие безбарьерной среды, наличие и действие адаптированных образовательных программы, использование педагогами специальных методов и приёмов обучения и т.д.), вторая – внутреннюю среду (ценности, нормы, правила поведения, находящие отражения в реальных поведенческих практиках основных субъектов образовательной среды, например, уважительное отношение – насмешки, инклюзия – эксклюзия и т.д.). Подобный подход прекрасно иллюстрирует влияние на процесс формирования и поддержания инклюзивной культуры объективных и субъективных факторов, что также может быть крайне полезно в практике социологических исследований.

В рамках социологического знания прочтение феномена инклюзивной культуры возможно не только через призму аксиологического, деятельностного, управленческого, но в первую очередь, общностного подхода. Рассматривая инклюзивную культуру не только как ценностную модель, но как совокупность реальных действий акторов, воплощающих эту систему ценностей и ценностных ориентаций в жизнь (реальные действия, установки, готовность к действиям), а также не только совокупность социальных практик, но совокупность акторов, совершающих эти социальные действия (особенности их социальных статусов и ролей, сущностных черт, позволяющих им занимать ту или иную позицию в формировании поля инклюзивной культуры) социологи обладают богатейшим арсеналом для исследования инклюзивной культуре на уровне как отдельных социальных общностей и групп, организаций и даже отдельных социальных институтов, и, бесспорно, общества в целом.

Сегодня в поле изучения социологов попадают не только педагоги, но учащиеся и студенты, как основные акторы образовательной среды, включенные в процессы формирования и поддержания ценностей инклюзивной культуры. Однако нередко из поля изучения выпадают такие значимые субъекты образовательного поля, как родители и «администраторы» на уровне как образовательного учреждения, так и действующие на уровне организаций, осуществляющие функции регламентации и контроля образовательной деятельности, что на наш взгляд, является серьёзным упущением.

Таким образом, анализ исследовательских практик и методов оценки инклюзивной культуры в пространстве образовательного поля показал, что на сегодня эта проблема остается крайне актуальной, именно этим обусловлено такое пристальное внимание к данной проблеме со стороны исследователей разных областей. Однако, если принять во внимание, что курс на инклюзию образования в России был взят еще в 1993 году и позже это получило более детальную проработку в 2012 году (ФЗ «Об образовании»), но сегодня так и не произошёл качественный переход от эксклюзивного к инклюзивному образованию. Несмотря на рост социального запроса на инклюзию (рост числа инвалидов и детей-инвалидов, нуждающихся не только в качественном образовании, но в лояльной инклюзивной среде) формирование инклюзивной культуры идет медленно и крайне тяжело, что определено низкой готовностью к воспроизводству ценностей инклюзии в реальных поведенческих практиках всех акторов образовательного поля. Тем не менее, автор статьи полагает и высказывает надежду на то, что взятый курс на формирование инклюзивной культуры будет продолжен чему будут способствовать уже реализуемые (и в перспективе) в некоторых вузах практики формирования ценностей гуманного, терпимого отношения людей друг к другу, например, введения во всех вузах практики преподавания курса «Обучение служением», а также реализация практик добровольчества и волонтерства.

Библиографический список:

1. Бут Т. Показатели инклюзии: практическое пособие / Т. Бут, М. Эйнскоу; под ред. М. Воган; пер. с англ. И. Аникеев. М.: РООИ «Перспектива», 2007. 124 с.
2. Гох А.Ф., Шестакова Н.Н., Юрков Д.В. Инклюзивная культура: от образовательного к социокультурному контексту // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2019. № № 2(48). С. 189-198.
3. Денисова О.А., Леханова О.Л., Поникарова В.Н., Гудина Т.В. Технология формирования инклюзивной культуры преподавателей // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2022. № 4. С. 135-145.
4. Денисова О.А., Леханова О.Л., Гудина Т.В. Инклюзивная культура как показатель готовности специалистов вузов к сопровождению инклюзивного высшего образования // Психологическая наука и образование. 2023. Том 28. № 6. С. 82-92.
5. Образование инвалидов. Сведения об инвалидах – студентах профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 09.04.2024).
6. Старовойт Н.В. Инклюзивная культура образовательной организации: подходы к пониманию и формированию // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 8. С. 31-35.
7. Тихомирова Е.Л., Шадрова Е.В. Ценности инклюзивной культуры школы как гетерогенной организации // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/tsennosti-inklyuzivnoy-kultury-shkoly-kak-geterogennoy-organizatsii.pdf> (дата обращения: 09.04.2024).

Оригинальность 86%